
Р.П. Храпачевский

МОНГОЛЬСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ДЕРЖАВЫ ЧИНГИСХАНА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

Статья посвящена проблеме государственности у монголов Чингисхана и роли письменности в ее создании. Рассматриваются сведения синхронных монгольских и китайских источников XIII в. касательно данной проблемы. Исследуется их аутентичность, а также приводится критика использования данных источников в литературе без надлежащего анализа. Дается хронология развития письменности у монголов, ее применения в государственной практике в Монгольской империи и в ранний период существования империи Юань.

Ключевые слова: письменность, государство, монголы, уйгурица, письмо Пагсба, «Юань ши», Чингисхан, Хубилай, Монгольская империя, империя Юань

Вопрос о создании монгольской письменности является составной частью дискуссии о характере государства Чингисхана, т.к. наличие полноценно функционирующего государственного аппарата (несомненного признака состоявшейся государственности) невозможно без развитой письменности. Соответственно, решение вопроса о месте письменности у монголов Чингисхана является одновременно и вкладом в дискуссию о характере их государственности. Поэтому так важно рассмотреть имеющиеся спорные моменты. Высказывающиеся иногда мнения об отсутствии ранней письменной фиксации Великой Ясы (например: «в Китае ее текст не был известен». – Скрынникова 1997. С. 44) или, например, об уйгурском как основном рабочем языке писцов Чингисхана и его первых преемников (Там же. С. 41–42) базируются на слабом изучении всего комплекса первоисточников, отражающих ранний этап создания и применения монгольской письменности в начале – середине XIII в.

В настоящей статье в качестве основных источников использованы монгольские и юаньские нарративные памятники и документы:

«Сокровенное сказание монголов» (1240 г., далее: СС, вместе с его китайским переводом 1370-х гг. «Юань-чао биши», ЮЧБШ), собрание сочинений юаньского государственного деятеля и историографа Юй Цзи (1272–1348), свод официальных документов династии Юань «Да Юань шэн-чжэн гочао дянь-чжан» (1257–1322 гг., ЮДЧ); а также династийная история «Юань ши» (1370 г., ЮШ) и записки побывавших в Монголии в 1230-х годах китайских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина «Хэй-да шилуэ» (1237 г., ХШ). Как дополнительные материалы использованы: династийная история «Ляо ши» (1344 г.), мемориальный текст юаньского литератора Яо Суя (1238–1313), а также исторические записки южносунского автора Ли Синь-чуаня (1167–1243) и сообщения венгерских миссионеров (1237 г.).

Первое упоминание о введении Чингисханом письменности в 1204 г. находится в жизнеописании Тататунги в «Юань ши». Но сведения из него толкуются в литературе двояко: 1) предполагается, что было приказано писать монгольские тексты уйгурскими буквами (большинство исследователей принимает такое толкование); 2) оно понимается так, что монголы стали тогда писать по-уйгурски, т.е. на уйгурском языке (подробнее об этих точках зрения исследователей см.: Кара 1972. С. 17–18; Скрынникова 1997). В действительности в основной части приказа сказано, что Чингисхан

...приказал [Тататунге] после этого обучить царевичей и князей крови писать на государственном языке уйгурскими буквами (ЮШ. С. 3048).

А «государственным языком» в тексте ЮШ, как и в юаньских текстах, назывался монгольский язык. Аналогичный вывод следует из оригинального текста указа Хубилая «О хождении монгольских знаков», что был «собственноручно дан императором» 17 марта 1269 г. Полный текст этого указа сохранился в составе свода документов династии, в так называемом «Да Юань шэн-чжэн гочао дянь-чжан». Дело в том, что текст указа, приведенный в жизнеописании буддийского наставника Пагсбы в «Юань ши», дан в сокращении и с большими ошибками, что также способствовало сохранению мнения об уйгурском языке как языке канцелярии Чингисхана у ряда исследователей (ниже будет приведен пример ключевого искажения этого указа в версии ЮШ сравнительно с его оригинальным текстом). Примечательно, что Хубилай дает

в этом указе и предысторию введения письменности во времена Чингисхана. Так, указ начинается с момента создания государства Чингисхана «в Северных странах», когда «нравы были просты» и «не было времени создать» собственную письменность, и именно «поэтому взяли для письма образец, то есть уйгурские буквы» (ЮДЧ. С. 3–4). А в тексте жизнеописания Пагсбы в ЮШ последний фрагмент передан искаженно: «поэтому пользовались китайским письмом *кайшу* и уйгурскими знаками» (ЮШ. С. 4518). Именно эта фраза из «Юань ши» и приводила многих исследователей, не обращавшихся к оригинальному тексту указа в ЮДЧ, к неверному пониманию характера той письменности, которой пользовались писцы канцелярии первых каанов (Чингисхана, Угэдэя и т.д.).

Таким образом, с учетом рассказа ЮШ о Тататунге, а также самого заглавия указа, становится очевидным: монголы Чингисхана писали по-монгольски, но уйгурскими буквами, которые «взяли за образец». В анналах правления Хубилая, находящихся в цзюанях 4–17 «Юань ши», приведено резюме этого указа Хубилая, данного во 2-й луне 6-го года Чжи-юань:

В день *цзи-чоу* [17 марта 1269 г.] последовал высочайший указ – обнародовать и ввести в действие по всей Поднебесной изобретенные новые монгольские буквы (ЮШ. С. 121).

Здесь важно отметить, что речь идет именно о «монгольских буквах», хотя это уже второй, после уйгурицы, алфавит для письма у монголов (так называемое квадратное письмо, она же письменность Пагсба, которая мыслилась ее изобретателем, тибетским буддийским наставником Пагсба, как универсальный алфавит для всех основных языков империи – монгольского, китайского, тибетского, тюркского, тангутского и прочих). А использованное здесь слово «новые» не позволяет усомниться, что первый алфавит, т.е. уйгурица (якобы придуманная Тататунгой), тоже считался именно монгольской письменностью (т.е. первой монгольской письменностью и, как далее выяснилось, и ее основной, вплоть до перехода на кириллицу в Монголии в XX в.). В дальнейшем квадратное письмо усиленно продвигалось каанами Юань как основное государственное, но так и не прижилось в качестве монгольской письменности (даже в период Юань, несмотря на множество грозных указов каанов о прекращении пользования уйгурицей в

государственном документообороте, та всё равно широко использовалась вместо письма Пагсба). Поэтому далее по тексту статьи под «монгольской письменностью» всюду будет подразумеваться уйгурица, или, как ее иногда называют в литературе, «уйгуро-монгольское письмо» (Кара 1972. С. 15).

Хубилай, который лично занимался составлением этого указа, хорошо понимал значение письменности не только как важной составной части механизма функционирования государственного аппарата, но и как атрибута независимого государства в рамках сложившихся в китайской ойкумене представлений. А такими атрибутами с самого начала китайской цивилизации и государственности считались название династии, собственная письменность и собственный календарь. Именно по этой причине и кидани, и чжурчжэни, и тангуты создавали свои собственные письменности и календари. Обращение к династийным историям «Ляо ши» (истории государства киданей Ляо) и «Цзинь ши» (истории государства чжурчжэней Цзинь) показывает, что и кидани, и чжурчжэни в самом начале существования своих династий стремились продемонстрировать собственную письменность и делать на ней монументальные и мемориальные надписи. Монголы Чингисхана, в окружении которого были образованные кидани и чжурчжэни (не говоря уже о китайцах), отлично понимали всё это и действовали аналогично. Значение документооборота для функционирования государственного аппарата было быстро усвоено владыками монгольской империи. Так, о каане Мэнгу (правил в 1251–1259 гг.) нам известно из «Юань ши», что

...когда составлялся любой указ или [священное] повеление, государь обязательно смотрел черновики, много раз переделывал [их], пока последний [вариант] не становился приемлемым для него (ЮШ. С. 54).

Сам же Чингисхан сразу после великого курултая 1206 г., объявившего его кааном, по сообщению «Сокровенного сказания», дал такое поручение своему ближайшему соратнику и родственнику Шиги-Хутуху:

Пусть записывают в Синюю роспись «Коко Дефтер-Бичик», связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных «гур-ирген», а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено

мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге (СС. С. 160).

Следующим важным аспектом рассматриваемой проблемы является изучение процессов внедрения, использования и обучения монгольской письменности в интересах государства. Уже в приведенном первом свидетельстве о ней, т.е. в тексте жизнеописания Тататунги, говорится о поставленной Чингисханом задаче обучения монголов письменности с помощью уйгуров, владевших как монгольским языком, так и своей графической системой. Разумеется, на первом этапе это обучение касалось сыновей самого Чингисхана и его ближайших родственников, как следует из приведенной выше цитаты. Но позже есть известия и о других, кроме Тататунги, уйгурских учителях при дворе Чингисхана. Так, об уйгуре Кара-Икачибере и его сыне рассказывается в их жизнеописаниях в «Юань ши» (ЮШ. С. 3046), что они обучали следующее молодое поколение (т.е. внуков Чингисхана и других знатных монголов, их ровесников). Косвенные свидетельства о монголах, владевших письменностью еще до 1204 г., имеются в XIII и некоторых других источниках. Так, кэрэит Чинкай, занимавший при Чингисхане высокое положение и ведавший канцелярией, владел уйгурицей (XIII. С. 2а–2б). Следует отметить, что, по свидетельству очевидца, использовалась она, например, в предельно практических, управленческих целях – для контроля за другими чиновниками, в лояльности которых могли быть сомнения:

Кроме того, на задней стороне листов [документов], после даты Чинкай лично пишет уйгурскими буквами: «Передать тому-то и тому-то». Вероятно это специальная мера предосторожности к [Елюй] Чуцаю, потому что эти слова, [записанные] уйгурскими буквами, являются контролем. Если их не имеется, то официальный документ недействителен. Вероятно, так хотят использовать это визирование со стороны Чинкай, чтобы было возможным вести взаимопроверку (XIII. С. 8б).

Выше уже цитировался пассаж из СС о Шиги-Хутуху, из которого следует, что тот не только владел монгольской письменностью, но и уверенно пользовался ею для важных административных и судебных дел уже в первом десятилетии XIII в. Отметим также, что монгол Хо Юаньцзе, создавший ЮЧБШ, дал там свой пересказ данного фрагмента СС по-китайски в таком виде:

...то, что было решено [на суде], – записывать на синих тетрадах, так чтобы потом не было никого, кто бы изменил [решение] (ЮЧБШ. С. 396).

Таким образом он подчеркнул одну из главных причин необходимости вести записи: чтобы решения власти никто не мог произвольно толковать и менять. Очевидно, это отражает и соображения самого Чингисхана в пользу обучения грамоте своих детей и ближнего окружения.

Создавая свое государство как, в первую очередь, военную машину, Чингисхан, разумеется, не мог не воспользоваться возможностями, которые давала письменность для военного и разведывательного дела. Есть очень интересное и подробное сообщение об этом, которое сохранено южносунским автором Ли Синь-чуанем. В своем собрании исторических заметок «Цзянь-янь илай чао-е цзацзи» («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь»), которые базировались на сунских официальных документах, он сообщает следующее:

В третью ночную стражу [*11 часов ночи*] 9-го дня *цзя-суй* начальной луны 7-го года [девиза правления] Цзя-дин [*20 февраля 1214 г.*]... обнаружили 3 всадника, переплывшие реку Хуайхэ и направлявшиеся на юг. Пристав береговой [пограничной] службы уезда (*шуйлу сюнь-цзянь*) Лян Ши допросил их о причинах [нарушения границы]. Эти же трое, достав официальные бумаги из кожаного мешка и одну карту земель, нарисованную на шелке, сказали: «Направлены татарским государем Чингисом, чтобы проникнуть в [вашу] землю и спрашивать о войсках» (Ли Синь-чуань. С. 848).

Далее там сообщается, что старшим из этих троих был монгол-переводчик, а остальные двое – чжурчжэнь и китаец (Там же). О понимании монгольской элитой важности карт, письменных реестров войск и тому подобных документов свидетельствуют и сохранившиеся в анналах Хубилая цитаты из победных реляций монгольских полководцев, которые, хотя и относятся к более позднему времени, явно имеют своим образцом преемственную традицию, восходящую к временам Чингисхана и Угэдэя. Так, Ачжу, внук знаменитого Субэдэя, полководца этих двух первых каанов, аналогичным образом докладывал Хубилаю, внуку

Чингисхана, что при сокрушительной победе 18–19 марта 1275 г. при Динзьячжоу у побежденной армии Сун были захвачены «карты, реестры [войск], верительные бирки и печати из ставки главнокомандующего» (ЮШ. С. 162).

Так называемый Чингисов камень (хранится в Эрмитаже) с высеченной надписью о собрании всего рода Чингисхана, датированный 1225 или 1226 г. (о нём см.: Кара 1972. С. 56, 186), представляет другое важное применение письменности – мемориальное. Создание Чингисова камня вызвано ровно теми же соображениями, что были и у Абаоцзи, основателя киданьской империи Ляо, когда он, установив свою власть в районе будущего Каракорума, «приказал стесать древнюю стелу Пиэ-кагана и киданьскими, тюркскими и китайскими письменами [заново] записать его подвиги» (ЛШ. С. 20). Заметим еще, что перенесение на камень не только мемориальных записей, но текста различных документов было в Монгольской империи и в Юань обычным делом. До нашего времени в камне сохранились не только тексты различных иммунитетных грамот (в основном для религиозных и вероучительных общин и храмов-монастырей – их сохранность на камне вызывалась чисто практическими соображениями), но и тексты эдиктов ханов в адрес конкретных подданных, которые хотели навечно их сохранить из престижных побуждений (библиографию о корпусе этих текстов см.: Зограф 1984. С. 6).

Таким образом, развитый документооборот каанской канцелярии на монгольском языке неплохо отражен как в нарративных памятниках, так и в сохранившихся актовых материалах (на бумаге или каменных стелах). Поэтому не удивительно, что уже в 1220-х гг. уйгуро-монгольским письмом создавались тексты большого объема – в 1228 г. был записан начальный вариант СС (так называемая «Летопись Чингисхана»), а в 1240 г. он был дополнен так называемой «Летописью Угэдэя» и сведен в единый текст памятника. Первый письменный свод законов также фиксируется под 1229 г., о чем сказано в цзюани 2 ЮШ: «была опубликована Великая Яса» (ЮШ. С. 29), причем из нее приведены значительные выдержки. Письменная фиксация норм права в виде своего рода «кодексов», или исторических фактов в виде летописей, хроник или поденных записей деяний каанов («Дневник двора» и т.п.), – всё это отражало серьезное развитие государственности у монголов первой половины – середины XIII в. Каан Хубилай уже оперировал аналогиями из китайской истории при принятии управленческих решений. И это

не выдумка юаньских панегиристов, а реальные факты, подтверждаемые независимыми источниками. Так, в эпитафии крупному юаньскому сановнику Цзя Цзюй-чжэню (1218–1280), написанной Яо Суем в конце XIII в., говорится про события 1260–1261 гг.:

Последовал [за Хубилаем] в карательную экспедицию на мятежных *ванов* и пересек пустыню, [в ходе чего] имел свободное время и только лишь занимался подробными пересказами Ши-цзу [храмовое имя Хубилая. – *P.X.*] содержания «Цзы-чжи тунцзянь». Этим заслужил доброе отношение от господина [т.е. Хубилая] (Яо Суй. С. 645).

А ведь «Цзы-чжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, правлению помогающее») – это огромный исторический свод, созданный коллективом китайских историков под руководством Сыма Гуана в 1084 г. (он охватывает события периода с 403 г. до н.э. по 959 г. н.э., изложенные в сплошном хронологическом порядке). При этом Цзя Цзюй-чжэнь излагал эти сведения на монгольском языке, что зафиксировано в том же источнике:

Из-за того, что [Цзя Цзюй-чжэнь] отлично говорил на государственном языке, то все, большие и малые, дела государственного управления докладывал на приеме у государя, не пользуясь толмачами (Там же. С. 642).

Понятно, что для таких докладов (как на управленческие темы, так и с историческими экскурсами) требовался уже развитый понятийный аппарат на монгольском языке, а также письменная фиксация огромных объемов информации из переводимых с китайского языка письменных памятников (вроде гигантского труда Сыма Гуана и его сотрудников). Все эти факты иллюстрируют еще один аспект использования монгольскими каанами опыта государств с развитой письменной культурой, перелагаемый в соответствующие монгольские тексты, – понимание ими необходимости знать факты истории в целях более эффективного управления.

Несомненным показателем распространения к 1230-м гг. монгольского письма как в официальном документообороте, так и в частном, является рост потребности в подготовке кадров, т.е. в школах. В 1236 г. Сюй Тин отмечает наличие школ, где учат «уйгурскому письму» и переводам с монгольского (XIII. С. 86).

Поэтому неудивительно, что венгерские миссионеры встречают в 1237 г. монгольского посла, знающего помимо монгольского еще пять языков и имеющего письма к королю Венгрии «языческими буквами... на татарском языке» (Аннинский 1940. С. 84). Степень развития как письменности монголов, так и сложности используемого понятийного аппарата можно оценить по деятельности Чжао Би, одного из высших сановников при каанах Мэнгу и Хубилае. В докладе императору о заслугах Чжао Би юаньский сановник Юй Цзи приводит в том числе сообщение, что, поскольку «в то время государственный язык еще не полностью понимался в Китае, то и не учились еще понимать канонические книги», и потому Чжао Би перевел на монгольский язык «Лунь юй» и другие книги конфуцианского канона (Юй Цзи. С. 43). Иными словами, монгольский язык и письменность уже достигли такого уровня, что могли адекватно передавать сложные литературные и понятийные конструкции китайских классических текстов. В жизнеописании Чжао Би в ЮШ, автор которого использовал иные, нежели Юй Цзи, первоисточники, есть и другие важные детали: Чжао Би специально изучил монгольский язык по приказу Хубилая, в то время еще не бывшего кааном, а потом сделал перевод указанных книг, чтобы по ним обучать монгольских юношей на их родном языке (ЮШ. С. 3747). Иными словами, в этих сообщениях отражается наличие школы, где монголам из властной верхушки Монгольской империи преподавали переведенные на монгольский язык основы китайской классики, заточенной на обучение искусству государственного управления.

Сличение вышеприведенных данных с сообщениями «Основных записей» жизни Хубилая в ЮШ позволило определить дату этих событий – около 1244 г. Позднее школы уже стали массовыми, о чем есть сообщение в анналах Хубилая:

В день *ци-сы* [24 августа 1269 г.] [Хубилай] учредил во всех областях училища монгольской письменности (ЮШ. С. 122).

Также появилось специальное училище для элиты, причем не только из монголов:

В день *гуй-ю* [28 августа 1269 г.] [Хубилай] учредил Государственное училище (Там же).

Для последнего Хубилай

...[приказал] зачислить в ученики тех, кого избрать из числа сыновей и внуков придворных, различных чинов, близких к государю монголов и ханьцев, а также из обладающих талантами (Там же. С. 135).

Немного позже дело дошло и до академии Ханьлинь, где в 1275 г. Хубилай

...учредил подразделение специально ведающее монгольской письменностью, назначив его главой придворного советника и действительного члена академии Ханьлинь (*сюэши чэнчжи*) Садамэдэра (Там же. С. 165).

Причем тем же указом предписывалось:

...готовить к изданию династийные истории (*гоши*), редактировать и проверять [на точность] высочайшие указы и рескрипты, подготавливать советников [государя]; ее главой ставился придворный советник и действительный член академии Ханьлинь (*сюэши чэнчжи*) Харахасун, который одновременно отвечал и за составление «Дневника событий двора» (*цицзюйчжу*) (Там же).

Оба названных лица, Садамэдэр и Харахасун, были монголами, и осуществление их обязанностей, названных в указе Хубилая, велось на монгольском языке и фиксировалось монгольским письмом.

Таким образом, сведения источников позволяют выстроить следующую хронологию событий, связанных с использованием монгольской письменности в государственных целях, ее развития и системы обучения:

1204 г. – приказ Чингисхана Тататунге об обучении письменности членов «золотого рода»;

после 1206 г. – уже используются книги для фиксации повинностей и судебных дел;

1225/26 г. – мемориальный Чингисов камень;

1228–1229 гг. – записана «Летопись Чингисхана» и опубликована Великая Яса;

1236 г. – китайские дипломаты отмечают наличие школ, где обучают письменности и переводу на монгольский язык;

1240 г. – скомпонован полный текст «Сокровенного сказания»;
после 1244 г. – ведутся переводы на монгольский язык книг конфуцианского канона и обучение по ним молодежи из монгольской элиты и окружения каана в специальных школах и училищах;

в 1269 и 1275 г. учреждено высшее Государственное училище, а при академии Ханьлинь создано подразделение, ведающее монгольской письменностью и занимающееся созданием династийных историй, документов двора и правительства на монгольском языке.

Приведенные данные позволяют считать, что Чингисхан стал внедрять письменность среди элиты монголов для практических, государственно-административных и военных нужд фактически одновременно с объявлением в 1206 г. своей военной державы *Еке Монгол улус* (т.е. «государства всех монголов»). Преемники Чингисхана активно продолжали и развивали этот процесс.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3.

Зограф И.Т. Монголо-китайская интерференция. М., 1984.

Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.

Ли Синь-чуань – 李心傳 建炎以來朝野雜記, 北京: 中華書局出版, 2010 (*Ли Синь-чуань*. Цзянь-янь илай чао-е цзацзи [Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь]. Пекин 2010).

ЛШ – 遼史, 北京: 中華書局出版, 2013 (Ляо ши. Пекин 2013).

ХШ – 膨大雅, 徐霆 黑韃事略 // 海寧王靜安先生遺書, 第37冊 (*Пэн Да-я, Сюй Тин*. Хэй-да ши-люэ [Краткие известия о черных татарах] // Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина. Чанша, 1940. Т. 37).

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

СС – *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niġuġa tobġiyan*. Юань чао би ши (Монгольский обыденный сборник). М.; Л., 1941. Т. 1: Введение, перевод, тексты и глоссарии.

ЮДЧ – 大元聖政國朝典章 (Да Юань шэн-чжэн гочао дьянь-чжан. Пекин, 1998).

Юй Цзи – 虞集 文集 // 全元文, 第26冊, 南京: 鳳凰出版社, 2004 (*Юй Цзи*. Собрание сочинений // Цюань Юань вэнь [Полное собрание литературных текстов Юань]. Нанкин, 2004. Т. 26).

- ЮШ – 元史, 北京: 中華書局出版, 1997 (Юань ши. Пекин, 1997).
- ЮЧБШ – Юань-чао би-ши (Секретная история монголов) [元朝秘史]. 15 цзюаней / Изд. текста и предисл. Б.И. Панкратова. М., 1962. Т. 1.
- Яо Суй – 姚燧 參知政事賈公神道碑// 全元文 第9冊, 南京: 江蘇古籍出版社, 1999 (*Яо Суй*. Цаньчжи чжэнши Цзя-гун шэньдаобэй [Стела на пути духа советника канцлера по политическим делам господина Цзя] // Цюань Юань вэнь [Полное собрание литературных текстов Юань]. Нанкин, 1999. Т. 9.

Roman P. Khrapachevsky

THE MONGOLIAN WRITING AS A STATE-FORMING FACTOR FOR THE POLITY OF GENGHIS KHAN AND HIS SUCCESSORS

The paper is dedicated to the beginnings of the Mongolian State under Genghis Khan and his successors, and to the role of writing in the establishment of this state. The evidence of 13th-century Mongolian and Chinese sources is analyzed. The reliability of this evidence is checked, and some attempts at its uncritical usage are criticized. For example, the author argues that there is a difference between the phrasings of *Yuan shi* basically used by the scholars, and the original text of Kubilai's decree on the introduction of Phags-pa script (with its preface retelling the story of the development of Uighur-Mongolian writing system). This helps the author to more accurately define the character of the Mongolian writing introduced in the first decade of the 13th century. The author also collects the earliest written evidence on the usage of writing in Genghis Khan's Mongolian State: in warfare and intelligence, in courts, for immunity charters, for commemoration, for recording the events at rulers' court, for historiography. Most of fragments of Chinese sources are translated into Russian for the first time. In conclusion, the author presents a chronological table of the main events in the development of writing in the Mongol State and the early Yuan Empire.

Key words: writing, state, Uighur writing system, Phags-pa writing system, *Yuan shi*, statehood, the Mongols, the Mongolian script, Genghis Khan, Kubilai, the Mongolian Empire, the Yuan Empire